

© 2023 г. М.А. САПРОНОВА

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС В АРАБСКИХ СТРАНАХ (2011–2021): СПЕЦИФИКА, ИТОГИ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ И РОЛЬ МОЛОДЕЖИ

Сапронова Марина Анатольевна — доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» (Москва, Россия).

E-mail: m.sapronova@inno.mgimo.ru

ORCID: 0000-0002-4241-2156

Аннотация. Внутриполитическая борьба в арабских странах после 2011 г. продолжает развиваться в контексте соперничества и взаимовлияния двух идеологий — исламизма (фундаментализма) и национализма (либерализма), однако уже в условиях их кризиса, когда партии, опирающиеся на ту или иную концептуальную основу, не могут предложить избирателям программ проведения социально-политической модернизации и выхода из экономического кризиса. Идеологически разные партии используют в предвыборной борьбе идентичные лозунги, эксплуатируя реформаторскую стратегию и риторику, стремясь расширить свою социальную базу в отсутствии общественного консенсуса.

Новые конституции и избирательные законы, принятые после 2011 г., перевели эту борьбу в юридическую плоскость, создав условия для политической конкуренции. Выборы стали носить многопартийный характер и позволили исламским партиям участвовать в политическом процессе наряду со светскими. Именно эти партии и стали основными соперниками в электоральном процессе последнего десятилетия, который продемонстрировал, что реализация конституционного замысла на практике идет неоднозначно, а общество (несмотря на установление новой системы правоотношений) продолжает оставаться расколотым и не может отдать приоритет ни одной идеологии и силам, ее представляющим. «Внешний фактор» способствовал укреплению позиций исламских партий в первом электоральном цикле после «арабской весны», однако в дальнейшем они отдали первенство светским партиям. Молодежь, активно проявив себя в волнениях 2011 г., интерес к политической жизни потеряла, о чем свидетельствует падение явки избирателей во втором и третьем электоральных циклах.

Динамика и итоги электорального процесса в 2011–2021 гг. позволяют говорить о специфическом типе конституционных кризисов в традиционном обществе, столкнувшемся с необходимостью модернизации.

Электоральный процесс исследуется на основе анализа новых избирательных законов и итогов парламентских выборов в арабских странах в исследуемый период, что в совокупности с научными работами позволяет глубже понять логику их современного политического развития.

Ключевые слова: арабские страны, конституции, электоральный процесс, конституционный кризис, избирательные законы, электорат, «арабская весна», общественные движения.

М.А. Sapronova

Electoral Process in Arab Countries (2011–2021): Specifics, Results, Political Activity and the Role of Youth

Marina Sapronova, the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation” (Moscow, Russia).

E-mail: m.sapronova@inno.mgimo.ru

ORCID: 0000-0002-4241-2156

Abstract. After 2011, the intra-political struggle in the Arab countries continues to evolve amidst the competition between and mutual influence of Islamism (fundamentalism) and nationalism (liberalism), yet in the midst of a crisis of both, when parties based on one of these two ideologies are no longer able to offer their voters concrete programmes of socio-political modernisation and overcoming the economic crisis. In terms of ideology, different parties use identical slogans in their election campaigns, exploiting the reformist strategy and arguments, seeking to expand their social base in the absence of public consensus.

New constitutions and electoral laws adopted after 2011 have transferred this struggle into a legal frame, creating conditions for political competition. The elections really became a multi-party event and allowed Islamic parties to participate in the political process along with secular parties. Exactly these parties became the main rivals in the electoral process of the last decade, which demonstrated that the implementation of the constitutional plan in practice is an ambiguous task, and society (despite the establishment of a new system of legal arrangements) continues to be split and cannot give preference to any ideology and the forces representing such ideologies.

The “external factor” contributed to the strengthening of Islamic parties in the first electoral cycle after the “Arab Spring”, however, later the preference was given to secular parties. Young people, having actively shown themselves in the unrest of 2011, lost interest in political life, which is evidenced by the fall in voter turnout in the second and third electoral cycles.

Dynamics and results of the electoral process in 2011–2021 demonstrate a specific type of constitutional crises in a traditional society facing the need for modernization.

The electoral process is studied on the basis of the analysis of new electoral laws and the results of parliamentary elections in the Arab countries during the study period, which, together with research works, gives a better understanding of their modern political development.

Keywords: Arab countries, constitutions, electoral process, constitutional crisis, electoral laws, electorate, “Arab Spring”, social movements.

Становление гражданского общества в странах Востока – проблема крайне сложная, рассматривать ее следует с разных точек зрения и по разным критериям. Одна из интерпретаций гражданского общества и правового государства опирается на определение гражданства, вытекающее из классической либеральной модели, что предполагает реализацию прав и соответствующих им обязанностей граждан перед государством, выступающим в качестве гаранта этих прав. Сторонники этого постулата и в демократии видят прежде всего гарантии прав личности и ее не зависимость от общества существования. Исходя из этого, можно определить такие критерии «гражданского общества», как правовое измерение (равенство перед законом), политическое (избирательное право) и социально-экономические права. При этом выборы можно рассматривать как составную часть политического измерения, так как именно они являются барометром политической жизни. Результаты выборов дают оценку степени влияния разных политических сил, показывают настроения избирателей, их активность и заинтересованность (либо отсутствие таковых), определяют наиболее привлекательные программы и установки, дальнейшие тенденции политической жизни, легитимизируют власть. Тем самым реализуется одно

из важнейших прав гражданина, которое может привести к существенной корреляции внутривнутриполитического курса.

Именно выборы (парламентские и президентские), проходившие в первое десятилетие после событий «арабской весны» (2011–2021), продемонстрировали не только волю народа, но и избирательную специфику, равно как и специфику электората, проистекающую из исторических особенностей развития арабского общества.

Избирательное право стран этого региона (до 2011) было призвано обеспечить верховенство главы государства и доминирующей партии в системе органов государственной власти, а институты народного представительства были предназначены для осуществления контролируемой сверху процедуры принятия законов. Перед каждым новыми парламентскими выборами в избирательные законы вносились изменения – правящие партии не были уверены в их результатах. Выборы 2005 г. в Египте были признаны самыми фальсифицированными в истории арабского мира. Ваэль Гоним характеризует эти выборы «шутовскими», подчеркивая, что «режим показал свое истинное лицо», «были закрыты сотни избирательных участков, а когда избиратели запротестовали, их жестко проучили»².

Новые избирательные законы и новые конституции, принятые в арабских странах после 2011 г., создали юридическую базу политическому процессу, гарантировали демократизацию государственных институтов: они подробно регламентировали роль политических партий и оппозиции; расширяли доступ СМИ к информации; обеспечивали гарантии личных прав и вводили новые социально-экономические права граждан (на здоровую окружающую среду, чистую воду, право на информацию, в том числе в интернет-пространстве, на создание профессиональных союзов для защиты прав разных групп трудящихся, право на равный доступ к государственной службе и др.); перераспределяли обязанности властей – от исполнительной в пользу законодательной. Значительным шагом стало признание коллективных прав отдельных социальных и профессиональных групп, подкрепленное обязательством государства по постепенной их реализации; внесены изменения в права женщин, молодежи, лиц с ограниченными возможностями и др.

В новых конституциях была заложена тенденция «регулирования взаимосвязей человека, коллектива, общества и государства»³, они создали основу для проведения демократических состязательных выборов. Это важно, так как в современном гражданском обществе именно правовая система регулирует действия социальных акторов. В рамках этой системы формируются программы партий, корректируются предвыборные лозунги, разрабатываются способы воздействия на массовое сознание электората и т.д.

Принятые на основе данных конституций избирательные законы предоставляли инструменты для гарантии максимальной открытости избирательных кампаний, что минимизировало возможность искажения результатов голосования, обеспечили права избирателей на всех этапах голосования. Так, Закон о выборах в Алжире (2012)⁴ предоставлял контроль

¹ Так, например, в Египте власти использовали трехэтапное голосование (сильно растянутое во времени) для получения эффективного контроля за ходом выборов и оперативного вмешательства в них в случае необходимости. В Алжире Избирательный закон (1997) вводил пропорциональную систему подсчета голосов, выгодную только крупным партиям. В Тунисе после издания Закона о политических партиях (1988) был принят так называемый Национальный пакт, его должны были подписать и действовать в соответствии с его уставом те политические партии, которые хотели легально вести свою деятельность. Институциональную структуру – Высший совет Национального пакта – возглавлял президент, выступавший на президентских выборах как «единственный кандидат» всех национальных сил. В Ираке и Сирии избирательный процесс контролировался министерством внутренних дел и т.д. См.: Сапронова М.А. Конституционное право арабских стран // Конституционное право зарубежных стран. Учебник / под ред. М.В. Баглая, Ю.И. Лейбо, Л.М. Энтина. 4-е изд. М., 2016. С. 779–861.

² Гоним В. Революция 2:0. Документальный роман / пер. с англ. Т. Даниловой. СПб., 2012. С. 53–54.

³ Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. «Цветные революции» и «арабская весна» в конституционном измерении: политолого-юридическое исследование. М., 2019. С. 186.

⁴ Code Electoral de la RADP. Loi organique n. 2012-01 // URL: <http://www.droit-afrique.com/upload/doc/algerie/Algerie-Code-2012-electoral.pdf/> (дата обращения: 22.04.2022).

за голосованием местным органам власти и представителям политических партий, обязывал использовать только прозрачные урны и разрешал присутствие иностранных наблюдателей на участках. Избирательный закон Туниса⁵ возлагал контроль за выборами на Высшую независимую избирательную комиссию (ранее это делало Министерство внутренних дел), состоящую из девяти независимых и компетентных членов, избираемых на один шестилетний срок. Для соблюдения гендерного равенства в списках кандидатов фамилии мужчин и женщин должны чередоваться. Заботясь о представительстве молодежи, закон предписывает предусматривать не менее четырех мест для людей не старше 35 лет в списках кандидатов избирательных округов. Избирательный закон Сирии (2014)⁶ обеспечивал право кандидатов контролировать избирательный процесс и предусматривал наказание для любого, кто фальсифицирует их волеизъявление, передавал контроль за ходом голосования Высшему избирательному комитету, состоящему из судей, а Верховный конституционный суд получил право контролировать порядок выдвижения кандидатов, давать отводы кандидатам и объявлять результаты президентских выборов. Благодаря новому Закону о выборах в Ираке⁷ в парламент могли избраться политики, не связанные с традиционными партиями, так как голосование за партийные списки отменялось. А разукрупнение избирательных округов (83 вместо 18) дало возможность иракцам проголосовать за тех, кто реально влияет на их жизнь.

Таким образом, новая законодательная база электорального процесса вполне позволяла избирателям сделать свой свободный выбор и проголосовать за партию или кандидата, рассматриваемого как выразителя его интересов.

Однако право, являясь по своей сути консервативным институтом, не обязательно «соответствует коллективным представлениям народа на каждом конкретном этапе исторического развития»⁸. Конституционный процесс вынужден постоянно искать баланс между обществом и государством, равенством и свободой, социальными гарантиями и правами индивида. Эти противоречия наиболее ярко проявляются в период социальных изменений, когда право отстает от жизни или, наоборот, как в арабских странах, стремится обогнать ее. Ликвидация однопартийных режимов в результате протестных волнений привела к резкому ослаблению центральной власти именно тогда, когда потребность в государственном регулировании социальных процессов возросла, а гетерогенное арабское общество оказалось расколото еще и идеологически.

К началу XXI в. у арабских стран в соответствии с теорией демографического перехода обозначилось наличие «молодежного бугра», что убедительно доказано в работах А.В. Коротаяева и других исследователей⁹. Численность возрастной группы 20–24 лет за последние 15 лет выросла почти вдвое, создав серьезное давление на рынок труда, и именно

⁵ Loi organique n. 2014-16 du 26 mai 2014, relative aux elections et referendums tell que modifiee et complete par la loi organique n. 2019-76 du 30 aout 2019 // URL: <https://legislation-securite.tn/fr/law/44286> (дата обращения: 22.04.2022).

⁶ Law № 5 of 2014 on General Elections // URL: https://www.ilo.org/dyn/natlex/natlex4.detail?p_lang-en&p_isn-98926&p_country-SYR&p_count-376 (дата обращения: 28.04.2022).

⁷ Iraq's New Election Law Draws Much Criticism and Few Cheers // URL: <https://www.nytimes.com/2019/12/24/world/middleeast/iraq-election-law.html> (дата обращения: 28.04.2022).

⁸ Медушевский А.Н. Сравнительное конституционное право и политические институты. М., 2002. С. 54.

⁹ См.: Коротаяев А.В., Зинькина Ю.В. Структурно-демографические факторы «арабской весны» // Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы / отв. ред. И.В. Следзевский, А.Д. Саватеев. М., 2012. С. 28–39; Коротаяев А.В., Ходунов А.С., Бузова А.Н., Малков С.Ю., Халтурина Д.А., Зинькина Ю.В. Социально-демографический анализ Арабской весны // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года. Т. 3. М., 2012. С. 28–76; Исаев Л.М., Шишкина А.Р. Египетская смута. XXI век. М., 2012; Малков С.Ю., Исаев Л.М., Коротаяев А.В., Кузьминова Е.В. О методике текущего состояния и прогноза социальной нестабильности: опыт количественного анализа событий Арабской весны // Полис. Политические исследования. 2013. № 4. С. 137–163.

в этой возрастной группе безработных больше всего (более 30%). Именно молодежь — самая многочисленная группа населения в арабских странах — рассматривала авторитарную власть как главный тормоз общественного прогресса и причину обостряющихся социальных проблем.

С начала 1990-х годов, когда довольно активно внедрялись демократические институты, начал формироваться и слой населения, восприимчивый к данным идеям. В молодежной среде существенно возросли социальные амбиции, которые поддерживались информационной открытостью общества, возрос уровень политической культуры. «Арабская весна» активизировала эту прослойку, цензуры на интернет и ограничения выезда за рубеж не было, молодежь получала активную поддержку извне¹⁰. Западными странами проводились многочисленные конференции по развитию и внедрению информационных технологий.

Ярким представителем этой молодежи может служить В. Гоним — менеджер по маркетингу компании Google на Ближнем Востоке, живущий в ОАЭ, ставший «лицом» протестных движений в Египте. В книге «Революция 2:0» он подробно рассказывает, как начинал свою деятельность в Египте после поездки в США, как он сделал карьеру в Египте и, будучи уже крупным администратором, перебрался в Дубай, где и создал свою правозащитную страницу на Facebook¹¹ «Мы все — Халед Саид», с которой и начинались протестные выступления. 24-летняя Ж. Ибрагим — арабская революционерка «поколения хай-тек» — также жила в США с 14 до 22 лет, мало интересовалась тем, что происходило в стране, но по возвращении познакомилась с египетскими оппозиционерами и включилась в протестное движение¹².

В январе 2011 г. мощные мирные выступления в арабском мире показали, что молодежь — это серьезная сила. 2011 г. был провозглашен ООН Международным годом молодежи, и казалось, что арабский мир станет примером установления демократии снизу благодаря изменениям, вызванным мирным народным движением. Тунисский исследователь Тауфик аль-Мадини называл свержение режима Бен Али «народной молодежной революцией», а не «бунтом голодных», так как в Тунисе не было проявлений крайней бедности и нищеты, а по мнению студентки Эмны Фитури, восстание тунисской молодежи сравнимо с вопросом «жизни и смерти для практически задохнувшейся молодежи»¹³.

Многие ожидали, что включенность молодых людей в политические процессы будет нарастать, однако этого не случилось. Молодежь, выступившая под общедемократическими лозунгами, сыграла роль авангарда, но далеко не единого идеологически, во многом действовавшего под влиянием эмоций. Более того, у них не было четких целей, конкретной программы, их поведение зачастую основывалось на эмоциональном восприятии, а не на рациональном осмыслении происходящего, революционная волна распространялась в культурно ограниченном пространстве арабоязычного виртуального мира. Отсутствовали узнаваемые лидеры, а протестное движение ставило перед собой одну цель — свободу от диктатуры и бюрократии (отсюда основной лозунг — «Ирхаль» — «Уходи»). В СМИ и других информационных ресурсах мелькало много имен, однако по прошествии 10 лет уже никто не связывает их с «арабской весной», а сама молодежь потеряла интерес к политике.

После того, как волна протестов пошла на спад, для дальнейшего взаимодействия было необходимо создание общей платформы, выстраивание диалога разрозненных в культурном и идеологическом плане групп и закрепления их на политической арене. Если спонтанная мобилизация позволяла обойти эти различия, то для дальнейшего развития механизмов гражданского общества и достижения целей нужны были дополнительные усилия со стороны молодежи и определенные условия для реализации этих усилий.

¹⁰ Известно, что Д. Сорос создал институт «Открытое общество на Ближнем Востоке и в Северной Африке», финансировавший самые разные группы оппозиции в арабском мире. В Тунисе он спонсировал радиостанцию «Слово», ставшую «рупором революционной молодежи».

¹¹ Входит в Meta, признанную экстремистской организацией и запрещенной в РФ.

¹² Haw Youth drive change // The UNESCO. Courier. July-September 2011. P. 11. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000193773_rus (дата обращения: 28.04.2022).

¹³ Ibidem.

Однако для активного участия молодежи в политической жизни возникли значительные многоуровневые препятствия: отсутствие практических навыков и реальной мотивации участия в формальных (а не виртуальных) процессах, дефицит финансовых средств, недостаток опыта, отсутствие знаний о работе в государственных структурах и т.д., что, в свою очередь, было следствием «социального отчуждения» молодежи. В традиционных политических организациях внутренние механизмы, правила и процедуры не позволяли молодежи расти. Не способствовали этому и высокий возраст предоставления электоральных прав, пассивность женщин в политике, система личных связей, механизмы подбора и продвижения партийных кадров и др. Кроме того, кредит доверия к политическим и государственным институтам быстро себя исчерпал.

Молодежь стала терять интерес к политической жизни (радикализовалась или уехала в Европу в поисках лучших условий), чем и объясняется неуклонное снижение явки избирателей в электоральном процессе 2011–2021 гг. Так, в Ираке на парламентских выборах в 2021 г. (в которых впервые участвовали избиратели, не заставшие эпоху С. Хусейна) явка составила 41%. По мнению журналистов, именно молодежь бойкотировала выборы, а все юридические новшества избирательного закона, носившие демократический характер и позволявшие голосовать за любого понравившегося кандидата, не привлекли избирателей¹⁴. В Египте явка снизилась с 46,42% в 2012 г. до 14% в первом туре парламентских выборов в 2020 г. и до 10,2% – во втором. Примечательно, что явку не смог поднять даже установленный в этой стране штраф в 500 егип. фт. за неисполнение гражданского долга. В 2012 г. в Ливии в выборах во Всеобщий народный конгресс (ВНК) участвовало почти 62% избирателей, а уже в 2014 г. Палату представителей избирали только 18%. В Алжире явка постоянно сокращалась: с 43,14% в 2012 г. до 35,37% в 2017 г. и до 22,99% в 2021 г.¹⁵ (это были самые низкие показатели за всю историю выборов в законодательный орган в Алжире).

При этом на парламентских выборах в Марокко 2021 г. явка, по официальным данным, резко возросла до 50,35%, что стало рекордным показателем с 2002 г. Однако этому есть объяснение: в этот год парламентские выборы и муниципальные (с региональными), проводимые каждые шесть лет, проходили одновременно. Явка на парламентских выборах оказалась выше, чем обычно, поскольку участие электората в муниципальных выборах традиционно активнее. В результате исламская Партия справедливости и развития (ПСР), лидировавшая в 2011 и 2016 гг., потерпела серьезное поражение, уступив светскому блоку. Опросы общественного мнения запрещены в Марокко в период выборов, однако проведенное в феврале 2021 г. Марокканским институтом анализа политики исследование показало, что около 64% избирателей вообще не планировали идти на выборы, так как не верят, что парламент обладает реальной властью¹⁶.

Следует отметить, что последняя четверть XX в., когда в арабских странах при активной поддержке стран «Большой восьмерки» начались политические реформы и выборы проводились на всех уровнях, везде наблюдалась стабильно высокая явка – не менее 70–80%¹⁷.

Парламентские выборы продемонстрировали, что идеологическую базу государственного-правового и политического развития по-прежнему определяет внутренняя борьба двух

¹⁴ Iraq. Freedom in the World 2021 // URL: <https://freedomhouse.org/country/iraq/freedom-world/2021> (дата обращения: 21.02.2022).

¹⁵ При этом в 2012 г. даже из формальных 43%, пришедших на выборы, более 8% оставили свои бюллетени пустыми, поэтому эксперты оценивали индекс фактического участия алжирского электората на уровне ниже 35%. Для сравнения: в 1997 г. в Алжире в выборах в Национальное народное собрание приняли участие более 65% избирателей. См.: Algeria. Al-Majlis Al-Chaabi Al-Watan (National People's Assembly) // URL: http://archive.ipu.org/parline-e/reports/arc/2003_07.htm (дата обращения: 21.02.2022).

¹⁶ Выборы в Марокко: на какие изменения надеется израильский союзник? // URL: <https://detaly.co.il/vybory-v-marokko-na-kakie-izmeneniya-nadeetsya-novyy-izraiskij-soyuznik/> (дата обращения: 21.02.2022).

¹⁷ Anoushiravan Ehteshami. Is the Middle East Democratizing? // British Journal of Middle Eastern Studies. 1999. № 26. P. 204–210.

основных проектов — фундаменталистского (исламистского) и демократического (либерального)¹⁸. Именно это противостояние прослеживается в электоральном процессе постреволюционных арабских стран в 2011–2021 гг., который (несмотря на наличие огромного количества новообразованных партий самых разных типов и направлений)¹⁹ вылился, в конечном счете, в борьбу исламских и светских партий. Характеризуя политический процесс в Египте после 2011 г., Н.Ю. Сурков отмечает, что в этой стране сложилась «конфликтная партийная система, для которой была характерна острая конкуренция между светскими партиями либерального толка и исламистскими партиями»²⁰.

Исследованию деятельности исламских политических партий и движений посвящено довольно много современных работ²¹. Авторы сходятся во мнении, что исламизм набирал популярность по мере ослабления национальных доктрин в арабских странах (насеризм, дустуровский социализм, баасизм). А.В. Крылов подчеркивает, что усилению радикального ислама в немалой степени способствовал кризис «светских идеологий», «побудивший широкие мусульманские массы обратиться к более близким им по духу и менталитету сугубо религиозным ценностям»²². А в последние десятилетия XX в., когда начались реформы, еще больше возросла конфликтность канонов доминирующей в обществе религии с меняющейся системой координат общественного развития. М.Ф. Видясова отмечает, что среди острейших социально-политических вызовов, переходящих из XX в. в новое тысячелетие, центральное место занимает «кризис идентичности», получивший развитие в арабских странах. В последние годы разные научные направления особое значение придают именно кризису самовосприятия/идентичности различных социальных групп, что обуславливает многое в общественном сознании и современном политическом процессе²³.

Ислам и национализм взаимодействовали между собой как в официальной, так и в неофициальной сфере жизни арабского общества в новейшей истории. В официальной сфере происходило сближение между национализмом и исламом, в неофициальной — нередко отмечалось размежевание. Все аспекты такого взаимодействия были обусловлены противоположностью исходных позиций в вопросе о государственно-правовом регулировании (суверенитете, правах человека, его взаимодействии с обществом и государством и др.). При этом концептуальные расхождения вовсе не мешали на практике их объединению в различных формах (в зависимости от конкретной социально-политической и социально-культурной ситуации в отдельных странах). Руководители и идеологи целого ряда мусульманских стран, формулируя концепции «самобытного развития», исходили из некоего «среднего варианта» уже существующих за пределами мусульманского мира моделей²⁴, активно эксплуатируя «реформаторскую стратегию» в исламе, которая была направлена на совмещение его догматов с принципами гражданского общества и правового государства.

Конфликт идеи правового государства, основанного на французском и английском праве, с принципами исламского государства, закрепленными конституциями, свидетельствовал о неустойчивости ситуации. «Ключ к пониманию конфликта, — отмечает

¹⁸ Обозначаем их так условно, не вдаваясь в многочисленные варианты данных определений.

¹⁹ В Египте после 2011 г. образовалось 50 партий; в Ливии в 2012 г. в выборах в Учредительное собрание участвовали 142 партии; в Тунисе к концу 2011 г. насчитывалось 95 легальных партий, при этом еще 145 получили отказ в регистрации.

²⁰ *Surkov N. Yu. The Place of Religious Parties in the Political Systems of Arab Countries // Islamovedenie. 2020. Vol. 11. № 1. P. 30.*

²¹ Этой проблемой занимались М.Ф. Видясова, Б.В. Долгов, А.А. Игнатенко, А.А. Куделин, В.В. Орлов, М.З. Ражбадинов, А.В. Сарабьев, К.З. Хамзин и др.

²² *Крылов А.В. Роль религиозного фактора в «арабской весне» // Вестник МГИМО-Университет. 2013. № 4 (31). С. 46.*

²³ См.: Ближний Восток: политика и идентичность / под ред. И.Д. Звягельской. М., 2020.

²⁴ Тунисские идеологи видели в «дустуровском социализме» нечто среднее между «марксистским и либеральным шведским социализмом».

А.Н. Медушевский, – в столкновении традиционного мусульманского права с задачами модернизации и рационализации, которая оборачивается европеизацией права и заимствованием западных конституционных норм»²⁵.

На международном уровне основные участники идеологического соперничества в случае недостатка политической легитимности зачастую использовали религиозный инструмент друг против друга, обвиняя, например, в религиозном экспансионизме либо атеизме.

В настоящее время исламисты активно используют «двойной язык» в пропаганде своей деятельности. Так, лозунги тунисского движения «Ан-Нахда» основывались на альянсе религии и политики, декларируя «послушание Аллаху, сохранение арабо-мусульманской идентичности и борьбу с коррупцией»²⁶. М.Ф. Видясова умеренный исламизм называла «двуликим Янусом», имея в виду этот двойной язык, скрывающий их подлинные цели, ссылаясь на высказывания тунисских интеллектуалов, называвших исламистов «многоголовой гидрой» и видевших в них угрозу «республиканским и светским ценностям тунисского общества»²⁷.

Однако к концу XX в. популярность исламских идей стала падать, так как религия, выступая в качестве политической и мобилизационной идеологии, сама со временем неизбежно приобретает различные оттенки светских идеологий (консерватизма, социализма, либерализма). Эти модификации исламской доктрины связаны прежде всего с поиском социальной базы, который оказывается более успешным в случае дополнения традиционных религиозных ценностей определенной социальной программой. «Являются ли “Братья-мусульмане”²⁸ действительно приверженцами демократии, или они лишь используют демократические институты для того, чтобы прийти к власти, а затем будут вести себя совсем иначе?» – задается вопросом В.В. Наумкин²⁹. Одни исследователи полагают, что их апелляция к демократическим институтам носит исключительно тактический характер, о чем свидетельствует почти полное совпадение лозунгов исламских и светских оппозиционных партий³⁰; другие считают, что умеренные исламские группы действительно могут осуществлять властные полномочия без отказа от демократических институтов и основополагающих ценностей. В программе Исламского фронта спасения в Алжире – крупнейшей политической силы 1990-х годов – предусматривалось проведение свободных выборов, введение многопартийности, усиление частного сектора и частного предпринимательства, создание современной военной промышленности³¹. А ставший председателем этой партии А. Мадани получил не только мусульманское образование в Алжире, но и светское философское в Англии, был крупнейшим знатоком как Корана, так и Гегеля, Декарта, Маркса, Вебера, автором многих книг и философских публикаций. Программа марокканской исламской ПСР в целом не носила исламского характера. Целью партии объявлялось увеличение ВВП, проведение приватизации и снижение государственного вмешательства в экономику, понижение максимального уровня налогообложения. Среди приоритетных направлений деятельности партия выделяла сферы занятости, здравоохранения, образования, выступала за доступное жилье, улучшение условий жизни³². Тунисские аналитики отмечали усилия Р. Ганнуши по

²⁵ Медушевский А.Н. Теория конституционных циклов. М., 2005. С. 355.

²⁶ Maktouf L. Sauver la Tunisie. Paris, 2013. P. 116.

²⁷ Видясова М.Ф., Гасанбекова Т.И. Двуликий Янус умеренного исламизма. М., 2013. С. 13–14.

²⁸ Запрещена в РФ.

²⁹ Наумкин В.В. Ислам и мусульмане: культура и политика (статьи, очерки и доклады разных лет). М.; Нижний Новгород, 2008. С. 605.

³⁰ На выборах 2005 г. в Египте «Братья-мусульмане» выдвигали требования отмены закона о чрезвычайном положении, принятия нового закона о политических партиях, перераспределение полномочий в пользу парламента и т.д. Более того, во время предвыборной кампании они утверждали, что в случае своей победы не будут требовать обязательного ношения женщинами хиджаба.

³¹ Front Islamique du Salut (FIS). Elections communales du 12 juin 1990. Alger, 1990.

³² Подцероб А.Б. Марокко под властью исламистов // URL: <http://www.iimes.ru/02.02.2012> (дата обращения: 15.02.2022).

«тунификации» исламской партии «Ан-Нахда», которая все больше учитывала специфические особенности Туниса в своей деятельности³³. Умеренная исламская партия Иордании – Мусульманская центристская партия – ратует за дальнейшую демократизацию на основе исламских принципов, развитие общественного диалога, защиту прав, в том числе равноправия женщин. Сирийские «Братья-мусульмане» еще в середине 2000-х годов скорректировали свою политическую программу и ориентировались на создание «демократического исламского государства» (о чем говорилось в их своеобразной программе «Политический проект будущей Сирии»).

Таким образом, приход к власти исламистов не означает создание исламского государства, а их победа на выборах приводит к размыванию самой идеи исламизма, демонстрирует зыбкость исламской политической конструкции. По мнению Ф. Бюрга, ислам становится альтернативным «политическим языком» в диалоге народа с политической элитой и представляет собой «язык политического протеста, на нем выражаются демократические требования созревающего гражданского общества»³⁴. Вопрос стоит шире – о будущем политического ислама. Дебаты европейских и американских ученых с конца XX в. сформировали две полярные точки зрения по этому вопросу. При этом большинство исследователей склонны полагать, что политический исламизм обречен на неудачу и уже потерпел поражение, согласно второй – это направление в идеологии и практике мирового мусульманства является вечным, а в начале XXI в. еще больше набирает силу. Сторонниками первого подхода являются О. Руа³⁵ и Ж. Кепель³⁶, Дж. Эспозито, Б. Льюис и другие, они правы в том, что исламисты не смогли повсеместно реализовать свои претензии на национальном уровне (прийти к власти и создать «исламское государство»). В то же время исламизм трансформировался в некое новое направление, которое О. Руа определяет как «неофундаментализм», а Б. Льюис считает активность исламистов бесцельной и аморфной³⁷. Вечное стремление к модернизации будет столь же вечно поддерживать исламистов в их стремлении предложить свою исламскую альтернативу. «Мы против всех западных форм общества, но мы не знаем, какое альтернативное общество мы можем предложить», – говорит в интервью шейх Хамид аль-Найфар³⁸.

Эти концептуальные искания и противоречия ярко проявились в самом начале электорального цикла в Египте: отправленный в дальнейшем в отставку исламский президент М. Мурси на президентских выборах 2012 г. победил своего оппонента А. Шафика с минимальным перевесом, одержав победу с результатом чуть более 51% голосов (его оппонент, соответственно, набрал чуть менее 50%). Общество оказалось разделенным на две равные части. Было очевидно, что каждая из них по-разному понимает перспективы

³³ Achouri M. Les personnalités qui vont faire l'année 2015 // URL: <http://www.businessnews.com.tn> (дата обращения: 20.02.2022).

³⁴ Burgat F. Face to Face with Political Islam. London; New York, 2003. P. 46.

³⁵ О. Руа считает, что «исламизм не является более геостратегическим фактором: он не объединяет мусульманский мир, не может изменить соотношение сил на Ближнем Востоке. От Касабланки до Ташкента исламистские движения протекали в рамках существующих, уже сложившихся государств, от которых они воспринимали стиль использования власти, стратегические установки и национализм». См.: Roy O. L'échec de l'islampolitique. Paris, 1992. P. 237.

³⁶ Ж. Кепель подчеркивает, что «в последнее десятилетие XX в., несмотря на многообещающее начало, надежды сторонников воинствующего ислама не были реализованы». См.: Kepel G. Jihad, expansion et decline de l'islamisme. Paris, 2000. P. 208.

³⁷ По его мнению, «борьба ведется против двух врагов – секуляризма и модернизации. Война против секуляризма осознанна и очевидна... Война против модернизации... бессознательна и неочевидна», так как она направлена против самого процесса перемен, которые имели место в исламском мире и в результате которых постоянно «трансформировались политические, экономические, социальные и даже культурные структуры мусульманских государств». См.: Lewis B. From Babel to Dragomans. Oxford, 2004. P. 239.

³⁸ Shaikh Hamid al-Nayfar. Interview with F. Burgat // Political Islam. Essays from Middle East Report / eds J. Bein, J. Stork. London; New York, 1997. P. 372.

дальнейшего развития Египта, формы организации системы органов государственной власти и будущее политическое строительство. Это подтвердила и дальнейшая борьба, и их размежевание, когда встал вопрос о разработке Временной конституции страны. И если «Братья-мусульмане» призывали одобрить выносимый на референдум документ, то все потенциальные кандидаты в президенты светской оппозиции – М. аль-Барадеи, Амр Муса, Х. Сабахи – проголосовали против поправок в конституцию. Аналогичная ситуация сложилась и в Тунисе. Политическая поляризация, усилившаяся после выборов в Учредительное собрание в 2012 г., противопоставила двух лидеров: исламского движения «Ан-Нахда» шейха Р. Ганнуши и бывшего премьер-министра Беджи Каид ас-Себси, основателя светской партии «Призыв Туниса», ставшей менее чем за год наиболее важным элементом политического процесса. Однако у крупнейшего и старейшего в арабском мире исламского движения «Братья-мусульмане» из-за отсутствия четкой идеологической базы не оказалось надежных союзников. Отколовшиеся партии и группы (более 10) примкнули к преимущественно светским партиям, а целая группа небольших партий «салафитского» толка сначала поддержала «Братъев-мусульман», а затем выступила против них³⁹. «Эксплуатация религии в политике, – пишет А.В. Малашенко, – ведет к ее десакрализации. Беспреданное обоснование правоты собственной политической позиции именем Всевышнего, особенно если эта позиция шатка, приводит к девальвации собственно религиозной интерпретации»⁴⁰.

Пытались сплотиться в предвыборный период и светские партии. Так, перед опасностью скатывания страны к «теократическому режиму» в Тунисе в 2012 г. был предложен план слияния Демократической партии, партии «Тунисские перспективы», Республиканской партии и др. Президент страны Бежи Каид ас-Себси пытался собрать всю светскую оппозицию в составе партии «Призыв Туниса». По словам тунисского обозревателя М. Шарфи, светская оппозиция стремится «создать баланс двух основных сил: исламистов, которые хотят навязать стране шариат, и либералов, которые отстаивают принципы демократического, современного, светского государства»⁴¹.

Исламские партии, не имея внутреннего прочного единства, дробятся и зачастую вступают в блоки со светскими партиями. Так, после выборов 2012 г. в Алжире в блоке исламских партий «Зеленый Алжир» началась борьба за лидерство. Из наиболее крупной из них, «Движение общества за мир», вышли часть низовых организаций и два видных члена ее руководства Амр Гуль (министр транспорта) и Абдель Маджид Менасра (бывший министр промышленности). Амр Гуль создал свою партию – «Надежда Алжира» – и вошел в президентскую коалицию. Менасра также сформировал свою партию. Легально действовавшие политические исламские партии, не прошедшие в парламент, представляли собой конгломерат из более чем двух десятков немногочисленных партий и группировок, зачастую враждовавших между собой и не имевших общей программы. При этом попытки лидеров объединить политические силы умеренных исламистов и выдвинуть единого кандидата на президентские выборы не увенчались успехом.

При этом некоторые обозреватели, освещавшие события «арабской весны», отмечали, что молодежь, требовавшая «демократии», установления государственного строя, «базирующегося на публичной ответственности», представляет собой «постидеологическое» поколение, что эти требования совсем необязательно подразумевали светское государство.

Не стоит забывать, что идет процесс внедрения цифровых технологий во все сферы не только производственной, но и общественной жизни. В традиционном арабском

³⁹ Царегородцева И. Исламисты в политике Египта и Туниса после «арабской весны» // *Islamology*. 2017. Т. 7. № 1. С. 135.

⁴⁰ Малашенко А.В. Концептуальный анализ исламского радикализма // *Исламские радикальные движения на политической карте современного мира* / отв. ред. А.Д. Саватеев. М., 2015. С. 99.

⁴¹ Tunisia's Secular Opposition Unites against Islamists // URL: <http://www.alarabiya.net/articles/2012/03/23/202572.html> (дата обращения: 20.02.2022).

обществе он идет, конечно, медленнее и с определенной спецификой, но и здесь этот процесс формирует новые ценности и ориентирует человека на другие потребности, влияет на систему образования и, в целом, уменьшает роль идеологического фактора в процессе воспитания и самореализации. Результатом глубокой фрагментации арабского общества стало появление на политической арене огромного числа мелких политических партий с самыми разными целями и устремлениями (так, на выборах в Ираке в 2018 г. было зарегистрировано 205 партий, несколько десятков партий ведут борьбу за парламентские места в Алжире, Египте, Тунисе).

Ситуация, сложившаяся в арабских странах после «арабской весны», позволяет говорить о специфическом типе конституционных кризисов в традиционном обществе, столкнувшемся с необходимостью модернизации. Этот тип кризисов отличается тем, что сознательно или бессознательно общество использует ряд устойчивых компонентов традиционной культуры в попытках противопоставления исламской религиозной традиции и западного типа конституционализма в политической практике (электоральном процессе). Трудность данного процесса заключается в невозможности общественного консенсуса, что заставляет обращаться (возвращаться) к различным формам авторитаризма (светского или исламского), принимать ислам в качестве интегральной части современной политической системы, но одновременно нейтрализовывать его путем синтеза с другими идеологиями. Следует отметить, что в новых конституциях ислам не получил своего дополнительного закрепления.

Между тем существует много сопутствующих факторов, оказывающих влияние на арабское общество и его политический выбор в пользу исламских или светских партий, в частности внешнее давление и борьба за лидерство региональных держав, продвигающих свои идеологические установки. С приходом «Братьев-мусульман» к власти в Египте выросла значимость этой страны как центра исламизма. Все региональные отделения ассоциации активизировали свою деятельность, что вызвало большое беспокойство в Саудовской Аравии, считающей себя ведущей исламской силой в суннитском мире.

Саудовская Аравия оказалась застигнутой врасплох событиями «арабской весны», в то время как катарско-турецкий альянс смог использовать народные волнения в борьбе за региональное лидерство⁴² (президент Турции Абдулла Гюль был первым главой иностранного государства, посетившим Египет в 2011 г.; турецкая Партия справедливости и развития отправила М. Мурси своих экспертов и советников по избирательной кампании; Катар начал оказывать существенную финансовую помощь: в ходе визита в 2012 г. в Каир премьер-министра Катара Хамада бен Джасима аль-Тани было обещано инвестировать в Египет до 18 млрд долл.⁴³). Данный альянс поддержал оппозицию в Сирии, Ливии. Лидер тунисских исламистов Р. Ганнуши неоднократно ездил с визитом в Катар; Ю. Кардауи одним из первых среди исламских ученых поздравил марокканскую ПСР с победой в парламентских выборах 2011 г., эту партию Катар поддерживал дипломатически и финансово.

С 2013 г. в регионе активно действует Саудовская Аравия. «Братья-мусульмане», ставящие под сомнение легитимность саудовского режима, воспринимаются ею как реальная политическая угроза. Анализируя египетские биржевые индексы того времени, А.В. Коротаев и Л.М. Исаев пришли к выводу, что перевороту 2013 г. предшествовала серьезная подготовительная работа по привлечению в страну внешних финансовых ресурсов, прежде всего из Саудовской Аравии, что подтолкнуло развитие событий⁴⁴.

После свержения М. Мурси лидерами по объемам предоставленных средств Египту стали государства Персидского залива (Саудовская Аравия, ОАЭ, Кувейт), помощь

⁴² См.: *Хайруллин Т.Р.* Борьба за лидерство в арабском мире. Есть ли шанс для исламистов. М., 2019.

⁴³ *Бартенев В.И.* Помощь стран Персидского залива постреволюционному Египту: логика, динамика, системное влияние // *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения.* 2019. № 4. С. 572.

⁴⁴ *Схватка за Ближний Восток. Региональные акторы в условиях реконфигурации ближневосточного конфликта / отв. ред. А.М. Васильев, А.В. Коротаев, Л.М. Исаев.* М., 2019. С. 21–27.

которых играла в политическом развитии постреволюционного Египта «центральную роль»⁴⁵. Очень важным был визит короля Саудовской Аравии Сальмана в Каир в 2016 г., когда было подписано более 20 соглашений, в том числе об инвестировании в экономику Египта более 8 млрд долл. В Ливии при поддержке Саудовской Аравии и ее союзников Халиф Хафтар начал в 2014 г. операцию «Достоинство Ливии», которая привела к снижению влияния «Братьев-мусульман».

Соперничество региональных держав ярко проявилось и в сирийском конфликте, где в продвижении «исламского проекта» участвует и Иран.

Политика внешних доноров, естественно, оказывает определенное воздействие на государственное управление: арабские государства вынуждены выбирать между различными видами помощи западных и незападных доноров. Так, в 2016 г. президент Египта Абдель Фаттах ас-Сиси согласился на заключение много раз откладывавшегося ранее соглашения с МВФ о предоставлении займа в размере 12 млрд долл.⁴⁶ К этому его вынудило усиление общественного недовольства чрезмерной ориентацией страны на государства Персидского залива. Помощь МВФ предусматривает и проведение различных экономических реформ в целях большей либерализации экономики и демократизации социальной сферы, защиты прав человека и т.д.

Первый электоральный цикл продемонстрировал популярность исламистов: в Тунисе победу на выборах в Национальный учредительный совет в 2011 г. после свержения Бен Али одержала исламская партия «Ан-Нахда», которая получила 41% голосов избирателей и 90 мест из 217 в парламенте⁴⁷; на втором месте была светская партия «Конгресс за республику» во главе с проводившим многие годы во Франции Монсефом Марзуки, давним противником режима Бен Али.

В 2012 г. в Египте победила исламская Партия свободы и справедливости, получив 47% голосов и 230 мест в парламенте из 498. Салафитская партия «Ан-Нур» заняла второе место (набрав 24% голосов), обеспечив себе в общей сложности 120 мест⁴⁸.

В Ливии заметно оживились «Братья-мусульмане» и другие организации, близкие к Аль-Каиде⁴⁹ (включая Ливийскую исламскую группу), и, хотя в 2012 г. выборы выиграл Союз национальных сил (коалиция светских и независимых групп), на втором месте оказалась Партия справедливости и строительства (ливийский филиал «Братьев-мусульман»), получив 34 места⁵⁰. В парламенте они усилили свое влияние через союзы с независимыми кандидатами, обеспечив себе контроль над ВНК, и стали в нем самым сильным блоком.

В Сирии большинство повстанцев, сражавшихся против регулярных правительственных войск, были членами радикальных исламистских организаций; лидирующие позиции сирийских «Братьев-мусульман» были закреплены в главном координационном центре сирийской оппозиции за пределами Сирии – Сирийском национальном совете, сформированном в августе 2011 г. в Стамбуле.

В Марокко на выборах дважды (в 2011 и 2016 гг.) побеждала исламистская ПСР⁵¹.

⁴⁵ Бартенев В.И. Указ. соч. С. 566.

⁴⁶ Там же. С. 578.

⁴⁷ Tunisia election results // URL: <https://www.aljazeera.com/news/2011/11/14/final-tunisian-election-results-announced> (дата обращения: 22.04.2022).

⁴⁸ 2012. Egyptian Parliamentary Elections // URL: <https://carnegieendowment.org/2015/01/22/2012-egyptian-parliamentary-elections-pub-58800> (дата обращения: 29.04.2022).

⁴⁹ Террористическая организация запрещена в РФ.

⁵⁰ National Congress party results // Libya Herald. 18.VII.2012. URL: <http://www.libyaherald.com/2012/07/18/party-results/#axzz3Hw3AMOGK> (дата обращения: 12.03.2022).

⁵¹ Успех ПСР на выборах был не случаен: этому способствовала постепенная эволюция партийной борьбы на предыдущих выборах. В 1997 г. ПСР получила 8 мест, в 2002 г. – 42, в 2007 г. – 47, в 2011 г. – 107 (из 325). Тогда исламисты впервые в истории Марокко возглавили правительство, хотя они по-прежнему должны были искать компромиссы с королем и другими политическими силами.

В Алжире в 2012 г. успех на парламентских выборах одержала светская президентская коалиция (партии Фронт национального освобождения и Национально-демократическое объединение), завоевав 288 мандатов из 462. На втором месте оказался альянс «Зеленый Алжир».

В 2016 г. в парламенте Кувейта большинство мест заняли оппозиционные кандидаты, связанные с «Братьями-мусульманами».

Победившие с небольшим перевесом исламские партии оказались под двойным давлением: с одной стороны, светских кругов, требующих реальных политических и экономических действий, и населения, ждущего реализации заявленных этими партиями программ и выполнения всех предвыборных обещаний, с другой – консервативных салафитских движений, финансируемых странами Персидского залива и требующих всеобъемлющей исламизации. Реализовать обещания и возложенные на них надежды исламские партии не смогли. Войдя в состав правительства (в Тунисе и Марокко), они вынуждены были одновременно критиковать правительство и в то же время нести ответственность за его политику, в результате чего теряли поддержку тех слоев общества, которые были с ними в начале «арабской весны». В Марокко, в частности, уже в марте 2013 г. прошли мощные демонстрации рабочих профсоюзов, осуждавших «правительство исламистов» за невыполнение социальных обещаний.

Второй электоральный цикл в арабских странах после событий «арабской весны» продемонстрировал снижение популярности исламских партий: в 2014 г. в Тунисе победу на парламентских выборах одержала светская партия «Призыв Туниса», исламисты смогли набрать только 28% голосов. Руководство исламской партии взяло курс на уменьшение религиозной составляющей, а ее лидер – Р. Ганнуши – стал активно использовать термин «мусульманская демократия». В 2019 г. опять победила «Ан-Нахда», за ней следом (с очень небольшим отрывом) шла новая, но также светская партия «Сердце Туниса» (ее возглавляет медиамагнат Набиль Каруи)⁵². Однако в 2021 г. в Тунисе начались протесты, приведшие к приостановке деятельности парламента.

В Египте в 2020 г. на выборах в Сенат и Палату представителей убедительную победу одержала светская партия «Будущее нации». При президенте Абдель Фаттахе ас-Сиси египетское законодательство запретило создание политических партий религиозной направленности. Тем не менее в Египте насчитывается по меньшей мере восемь легальных политических партий, которые являются де-факто исламистскими⁵³.

В 2021 г. марокканская ПСР потерпела поражение, отдав абсолютное первенство Национальному объединению независимых (ранее входило в правительственную коалицию). Представительство ПСР в парламенте сократилось со 125 до 12 мест, что говорит о резком снижении популярности партии в обществе, не сумевшей выполнить своих предвыборных обещаний, в частности провести политические реформы. На фоне пандемии остро выявились все структурные проблемы экономики, связанные с высоким уровнем безработицы среди молодежи. В связи с поражением партии ее генеральный секретарь Саад ад-Дин аль-Османи принял решение покинуть пост⁵⁴.

В Ливии в 2014 г. по результатам выборов «Братья-мусульмане» в Палате представителей получили только 25 из 200 мест, меньше, чем в 2012 г.: большинство ливийцев отдали голоса сторонникам светского пути развития⁵⁵, в результате страна оказалась расколота территориально по идеологическому принципу: в столице (Триполи) правит Правительство национального согласия, сформированное при поддержке международного

⁵² Les resultats des legislatifs // URL: <https://www.jeuneafrique.com/840973/politique/legislatives-en-tunisie-les-resultats-officiels-confirment-le-morcellement-du-parlement/> (дата обращения: 22.04.2022).

⁵³ *Surkov N. Yu.* Op. cit. P. 30.

⁵⁴ *Safaa K.* Elections: Benkirane Calls on El Othmani to Resign After “Painful” Results // URL: <https://www.morocoworldnews.com/> (дата обращения: 28.04.2022).

⁵⁵ Elections 2014: Final results for House of Representative elections announced // *Libya Herald*. 21.VII.2014.

сообщества. Параллельно действует исламский Высший народный конгресс, в котором большинство составляют «Братья-мусульмане» и их сторонники. Аморфность этих образований, дефицит ресурсов и поддержки на местах не позволяют ни одному из них добиться решающего преимущества в военном противостоянии.

В Ираке на проходивших в 2021 г. парламентских выборах лидировал блок шиитских партий (во главе с имамом М. ас-Садром), за ним следовал суннитский блок, светская партия «Государство закона» оказалась на третьем месте (в 2014 г. эта партия была на первом месте, шиитский блок – на втором).

В обновленный на две трети парламент Кувейта в 2020 г. не смогло пройти движение Исламское салафитское собрание, которое было представлено в парламенте предыдущего созыва.

Таким образом, при расколе общества и внешнем давлении в арабских странах идет чередование у власти исламских и светских партий. Общество, разочаровавшись в политиках и идеологии, ищет пути своей идентичности, консолидируясь в новые общественно-политические группы, не способные вести эффективную борьбу за власть.

При этом наблюдается определенный синтез ислама и национализма, который идет в условиях кризиса данных идеологий и назревшей необходимости проведения социально-политической модернизации. Отсюда использование идентичных лозунгов для завоевания симпатий избирателей партиями разных идеологических направлений. Самые разные политические силы эксплуатируют понятия «демократия» и «гражданское общество», которые активно входят в политическую лексику и культуру арабского мира, помогая элитам продвигать свои проекты мобилизации и модернизации.

Библиография

- Тонин В. Революция 2.0. Документальный роман / пер. с англ. Т. Даниловой. СПб., 2012.
- Бартенев В.И. Помощь стран Персидского залива постреволюционному Египту: логика, динамика, системное влияние // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2019. № 4. С. 566–582.
- Крылов А.В. Роль религиозного фактора в «арабской весне» // Вестник МГИМО-Университет. 2013. № 4 (31). С. 43–51.
- Малашенко А.В. Концептуальный анализ исламского радикализма // Исламские радикальные движения на политической карте современного мира / отв. ред. А.Д. Саватеев. М., 2015. С. 95–123.
- Медушевский А.Н. Теория конституционных циклов. М., 2005.
- Наумкин В.В. Ислам и мусульмане: культура и политика (статьи, очерки и доклады разных лет). М.: Нижний Новгород, 2008.
- Сапронова М.А. Конституционное право арабских стран // Конституционное право зарубежных стран. Учебник / под ред. М.В. Баглая, Ю.И. Лейбо, Л.М. Энтина. 4-е изд. М., 2016. С. 779–861.
- Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. «Цветные революции» и «арабская весна» в конституционном измерении: политолого-юридическое исследование. М., 2019.
- Царегородцева И. Исламисты в политике Египта и Туниса после «арабской весны» // Islamology. 2017. Т. 7. № 1. С. 122–137.
- Front Islamique du Salut (FIS). Elections communales du 12 juin 1990. Alger, 1990.
- Burgat F. Face to Face with Political Islam. London; New York, 2003.
- Lewis B. From Babel to Dragomans. Oxford, 2004.
- Maktouf L. Sauver la Tunisie. Paris, 2013.
- Roy O. L'echec de l'islampolitique. Paris, 1992.
- Shaikh Hamid al-Nayfar. Interview with F. Burgat // Political Islam. Essays from Middle East Report / eds J. Beinin, J. Stork. London; New York, 1997.
- Surkov N. Yu. The Place of Religious Parties in the Political Systems of Arab Countries // Islamovedenie. 2020. Vol. 11. № 1. P. 26–37.

References

- Bartenev V.I. Pomoshch' stran Persidskogo zaliva postrevolyucionnomu Egiptu: logika, dinamika, sistemnoe vliyaniye [The Gulf States' Assistance to Egypt after the 2011 Revolution: Logic, Dynamics, Systemic Impact] // Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnoshe-niya [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. International Relation]. 2019. № 4. S. 566–582. (In Russ.)

- Ghonim W.* Revoluciya 2.0. Dokumental'nyj roman [Revolution 2.0. Documentary novel]. per. s angl. T. Danilovoj. Sankt-Peterburg, 2012. (In Russ.)
- Khabrieva T.Y., Chirkin V.E.* "Cvetnye revolyucii" i "arabskaya vesna" v konstitucionnom izmerenii: politologo-yuridicheskoe issledovanie ["Color Revolutions" and "Arab Spring" in the Constitutional Dimension. Political and Legal Research]. Moskva, 2019. (In Russ.)
- Krylov A.V.* Rol' religioznogo faktora v "arabskoj vesne" [The religion Factor in the "Arab Spring"] // Vestnik MGIMO-Universitet [Bulletin of the Moscow State Institute of International Relations]. 2013. № 4 (31). S. 43–51. (In Russ.)
- Malashenko A.V.* Konceptual'nyj analiz islamskogo radikalizma [Conceptual analysis of Islamic radicalism] // Islamskie radikal'nye dvizheniya na politicheskoj karte sovremennogo mira [Islamic radical movements on the political map of the modern world] / otv. red. A.D. Savateev. Moskva, 2015. S. 95–123. (In Russ.)
- Medushevskiy A.N.* Teoriya konstitucionnyh ciklov [Theory of constitutional cycles]. Moskva, 2005. (In Russ.)
- Naumkin V.V.* Islam i musul'mane: kul'tura i politika (stat'i, ocherki i doklady raznyh let) [Islam Muslims: Culture and Politics (written over the years)]. Moskva; Nizhniy Novgorod, 2008. (In Russ.)
- Sapronova M.A.* Konstitucionnoe pravo arabskih stran [Constitutional law of Arab countries] // Konstitucionnoe pravo zarubezhnyh stran. Uchebnik [Constitutional law of foreign countries. Textbook] / pod red. M.V. Baglaya, Yu.I. Lejbo, L.M. Entina. 4-e izd. Moskva, 2016. S. 779–861. (In Russ.)
- Tsaregoroditseva I.* Islamisty v politike Egipta i Tunisa posle "arabskoj vesny" [The Islamists in Politics in Egypt and Tunisia after "Arab Spring"] // Islamology. 2017. Vol. 7. № 1. S.122–137. (In Russ.)
- Burgat F.* Face to Face with Political Islam. London; New York, 2003.
- Front Islamique du Salut (FIS). Elections communales du 12 juin 1990. Alger, Bureau executif de la commune de Kouba, 1990.
- Lewis B.* From Babel to Dragomans. Oxford, 2004.
- Maktouf L.* Sauver la Tunisie. Paris, 2013.
- Roy O.* L'echec de l'islampolitique. Paris, 1992.
- Shaikh Hamid al-Nayfar.* Interview with F. Burgat // Political Islam. Essays from Middle East Report / eds J. Beinin, J. Stork. London; New York, 1997.
- Surkov N.Yu.* The Place of Religious Parties in the Political Systems of Arab Countries // Islamovedenie. 2020. Vol. 11. № 1. P. 26–37.